

Шумный праздник забоя свиней остался позади, наступило двадцатое число двенадцатого лунного месяца, и до Нового года оставалось совсем чуть-чуть.

Юнь Лэ вместе с матушкой обошел несколько больших ярмарок, наконец восполнив то упущение, когда они пропустили торги после осеннего сбора урожая. Вышитые им самим платки разошлись на ура, а матушка не стала забирать вырученные деньги, позволив сыну оставить их себе в качестве личных сбережений. Юнь Лэ жил дома, ни в чем не нуждаясь, поэтому, купив на ярмарке полпакета пастилы из боярышника, маленькую бархатную заколку для матушки, связку леденцов для маленького племянника и четыре масляные лепешки для бабушки с бабушкой, он обнаружил, что опустошил свой кошелек больше чем наполовину.

Впрочем, Юнь Лэ не расстроился. Напротив, он был в отличном настроении и, вернувшись в деревню, принялся разносить подарки по домам. Закончив, он обернулся и увидел неподалеку Сян Фэна. Юнь Лэ закатил глаза и развернулся, чтобы уйти.

Сян Фэн, заметивший, как сияющий Сяо-гэр вышел из дома, держа за руку пухлого малыша, увидел, что при взгляде на него лицо парня тут же вытянулось. На душе у Сян Фэна стало как-то беспокойно. С другой стороны, он ведь съел угощение, которое приносил Сяо-гэр, а в прошлый раз сам же наговорил лишнего из-за плохого настроения. Сян Фэн задумался: не извиниться ли? Но он никогда никого не утешал, поэтому долго ломал голову, не зная, как подступиться.

Двадцать третьего числа наступил Малый Новый год, время провожать Бога очага. Двадцать шестого — уборка пыли, двадцать седьмого — закупка новогодних товаров, а двадцать девятого — приготовление жареных блюд.

Вся деревня наполнилась ароматом масла. Юнь Лэ тоже вовсю хлопотал на кухне. Будучи Сяо-гэром, он с ранних лет учился готовить у матушки, так что с кухонными делами управлялся мастерски. Отец отвечал за рубку фарша, матушка лепила пельмени, а сам Юнь Лэ следил за котлом с кипящим маслом. Нужно было строго следить за температурой, чтобы ничего не подгорело — ведь это угощение и для праздничного стола, и для гостей.

Рыбу и ребрышки рубили на кусочки, свиную вырезку — на тонкие полоски. После маринования их обмакивали в кляр и опускали в раскаленное масло. В кипящем жире продукты обретали форму, после чего их вынимали. Затем настала очередь овощных шариков и тофу, которые после обжарки становились золотистыми, а под конец — мучных сладостей и сахарных пирожков. Весь котел масла ушел на то, чтобы приготовить все необходимое к празднику. После первой обжарки все продукты подверглись повторной — аромат стоял невообразимый. Юнь Лэ под предлогом дегустации съел немало. Праздник же, родители не станут ругать, да и кто из детей устоит перед искушением попробовать только что приготовленное лакомство!

Грянули петарды — наступил канун Нового года! Под треск и грохот начался праздничный ужин. Семья Юнь была большой, поэтому на Новый год все собирались в старом доме у бабушки с бабушкой, вместе со старшим и вторым дядьями. Десятки людей собрались за столами, каждый принес свои блюда — шум, гам, веселье. Юнь Лэ сел за один стол с

двоюродными братьями и сестрами и с удовольствием кормил своего маленького племянника.

После ужина Юнь Лэ, взяв за руку Дуньдуня, ходил по дому и желал всем счастья. Будучи самым младшим в этом поколении, да еще и с подвешенным языком, он вместе с пухлым племянником заработал немало денег в красных конвертах, прежде чем вернул малыша матери. Затем он достал из кармана свой красный конверт и вложил Дуньдуню в руку, получив в ответ нежное: С Новым годом, младший дядюшка!

В деревне семьи жили дружно, а Сян Фэн держался особняком. Он не готовился к празднику, лишь вчера, продав дикого кролика в городе, купил три жареные курицы и два кувшина вина. Петард он не брал. Услышав, что в деревне начали палить, он выставил на стол в главной комнате курицу и вино, расставил четыре чашки и три тарелки. Налив вина, он сначала совершил подношение, а затем приступил к своему скромному праздничному ужину.

С первого по пятнадцатое число Юнь Лэ не присаживался ни на минуту — ходил с родителями по родственникам и собрал целую кучу красных конвертов. Больше всего его печалило то, что ему исполнилось семнадцать, и матушка уже прямо заявила: весной она снова начнет подыскивать ему пару. Дяди и тети обещали, что уж в этот раз точно найдут достойного человека, чтобы прошлые неприятности не повторились.

После праздников, по напоминанию матушки, Юнь Лэ вспомнил о своем плане, который еще не успел осуществить, и собрался было снова сходить к задним горам, как вдруг появился Сян Фэн. В этот момент отец и матушка ушли в поле — начиналась весенняя пахота, они хотели осмотреть наделы, а третий брат помогал дедушке.

— Что-то случилось? — спросил Юнь Лэ, распахнув калитку и увидев Сян Фэна, который стоял на пороге с тем самым пустым кувшином.

— Мне нужно по делу к старосте, — ответил Сян Фэн, держа кувшин в руках.

— Отца нет дома, приходи позже. Сейчас никого нет, мне неудобно тебя принимать.

Голос Юнь Лэ звучал неприязненно. Увидев знакомый кувшин из-под солений, он бросил на него косой взгляд и добавил:

— Разве ты не говорил, что мои соленья тебе не по вкусу? Чего же притащил кувшин обратно? Я думал, ты его давно выбросил, я ведь уже новый купил!

Сян Фэн не знал, что ответить, долго молчал, а потом выдал:

— Негоже разбрасываться добром.

Он снова умолк. Юнь Лэ, видя, что тот больше ничего не скажет, толкнул калитку, собираясь

закрыться. Но Сян Фэн вдруг поставил кувшин на поленицу у входа, достал горсть леденцов, положил их сверху и указал на них пальцем:

— В качестве извинения.

Юнь Лэ молча смотрел на него, не делая попытки взять угощение.

— В прошлый раз я был груб, накричал на тебя. Это компенсация. Соленья были очень вкусными, спасибо тебе, — пояснил Сян Фэн, видя, что парень упорно молчит.

Услышав извинения, Юнь Лэ решил не упускать своего:

— Прошло уже несколько месяцев, а ты только сейчас решил извиниться! Из-за этого кувшина меня матушка отругала, ты думаешь, что парой конфеток сможешь от меня откупиться?

Сян Фэн подумал, что парень прав: он не только вел себя скверно, но и, съев соленья, не вернул тару. Он спросил, какой компенсации тот хочет. Юнь Лэ закатил глаза и замахнулся на большее:

— Я хочу пастилу из боярышника из той кондитерской на юге города! Сходи и купи мне её, тогда я тебя прощу!

Юнь Лэ попробовал эту пастилу в гостях у дяди на Новый год — кисло-сладкая, просто объедение! Но, узнав цену, он отступил — слишком дорого, его кошелек такого не потянет.

— Хорошо, — не раздумывая, согласился Сян Фэн.

Увидев такую готовность, Юнь Лэ впервые за много дней улыбнулся, забрал кувшин и переложил леденцы в свой мешочек. Одну конфету он оставил, развернул и положил в рот. Вкусно! Глаза Юнь Лэ заблестели, уголки губ невольно поползли вверх — эти леденцы были гораздо вкуснее тех, что матушка покупала на праздник, с явным привкусом груши.

Наслаждаясь сладостью, Юнь Лэ стал смотреть на Сян Фэна куда благосклоннее. Вспомнив о своем отложенном плане, он спросил с набитым ртом:

— А если ты разозлишься, то будешь драться?

Сян Фэн опешил от такого вопроса, не понимая, к чему это, но тело среагировало само — он покачал головой, давая понять, что не распускает руки.

Получив желаемый ответ, Юнь Лэ, причмокивая, кивнул, велел ему приходить к отцу позже и,

довольный, закрыл калитку, скрывшись во дворе.

<http://bllate.org/book/21456/2193325>